

ГЛАВА 17. ДЕВУШКА НЕБЕСНОГО МАНДАТА

Вдалеке показалась исполинская лента света, напоминающая пятицветные облака. Она несла на себе сонм бессмертных, изгибаясь в небесном океане подобно великому дракону, чья чешуя — мириады сверкающих мечей — ослепительно сияла в лучах солнца. По мере приближения стало ясно: это всполохи духовных клинков, величественное и грозное сияние, исходящее от учеников окутанного туманами ордена Куньлунь.

Хань Цзинцин, облачённый в чёрное императорское одеяние с вышитыми золотыми драконами, величественно поднялся с трона. Твёрдой походкой он покинул Зал Светлого Неба. Он прищурился, и из его межбровья вырвались золотые лучи, прорезавшие пространство. Стоявшие позади сановники, подавленные мощью монаршего величия, пали ниц; жемчужные нити на императорском венце мелко задрожали.

Цзинцин замер, заложив руки за спину и устремив взор ввысь. Там, на самом краю небосвода, возник силуэт, который являлся ему в сновидениях бесчётное множество раз.

В кристально чистой лазури небес он видел лишь одну-единственную фигуру в белом. Хань Цзинцин глубоко вздохнул, пытаясь унять дрожь в левой руке. Прошло двадцать лет. Он ничуть не изменился: всё те же развевающиеся белоснежные одежды, всё та же безмятежность и отрешённость, столь напоминающие его учителя, но с едва уловимой ноткой мягкости.

Наследник гуциня «Девять Небес», чья мелодия «Девяти глав Богоборчества» когда-то заставила содрогнуться весь мир. Даже преданный самым близким человеком, он лишь кротко улыбнулся, когда на него пало бремя Небесного Мандата.

Тогда он спросил:

— Хань Цзинцин, хватит ли у тебя воли спасти этот мир и всё живое в нём?

— Если ты того желаешь, — ответил Цзинцин.

— Ха-ха, хорошо. Цзинцин, помни об этом обете.

Это были его последние слова. И этот обет Хань Цзинцин нёс на своих плечах долгих двадцать лет. Два десятилетия он истощал силы Неба Лазурного Облака, пытаясь собрать воедино его душу. Но даже теперь одна часть души оставалась бесследно потерянной. Он по-прежнему ничего не помнил. По-прежнему не узнавал его.

Фэн Юэ парил на своём гуцине. Облака проносились мимо, задевая кончики волос и влагой оседая на лице. Он слегка нахмурился; золотая метка Небесного Мандата на лбу, словно откликаясь на чей-то зов, начала нестерпимо жечь. Неведомая, пугающая мощь хлынула в тело. Фэн Юэ поднял руку и заметил, что даже кончики его пальцев излучают мягкое

золотистое сияние. Несмотря на разделяющее их расстояние, он физически ощущал на себе чей-то пристальный взгляд.

— Приветствую учителя, — Хань Цзинцин слегка склонил голову.

— Монарх Небесной Столицы, не стоит! — Даоинь взмахнул хвостом своего фучэня, прерывая церемонию.

Заметив на лице Фэн Юэ всё то же выражение растерянности, глава ордена лишь горестно вздохнул и умолк. Сопровождавшие Хань Цзинцина придворные при виде Фэн Юэ склонились в глубоком поклоне. Этот обладатель титула Девушки Небесного Мандата последние двадцать лет безвыездно жил в Куньлуэ и никогда не являлся миру, однако имя Фэн Юэ — Бессмертного цитры — гремело по всей Поднебесной.

Ходили слухи, что этот юноша — истинный преемник Меча Куньлуэ, и сам Бессмертный Меча начертал для любимого ученика «Девять глав Богоборчества». В битве при Линье, произошедшей более двадцати лет назад, он сокрушил множество военачальников Столицы Демонов. То, что столь могущественный практик стал спутником Монарха, почитали за великое благо для всех живущих.

Чужое лицо, чужой голос... Фэн Юэ никогда раньше не видел этого человека, лишь смутно догадывался, что перед ним — первый старший ученик Куньлуэ, Хань Цзинцин. Он и раньше слышал, как другие упоминали это имя. Однако сейчас странное, необъяснимое чувство сковало грудь, отозвавшись тупой, ледяной болью. Будто что-то рвалось наружу, заполняя всё существо до края, так что слёзы были готовы брызнуть из глаз, а дыхание перехватывало. Но он не мог вспомнить. Как ни старался — не узнавал.

Даоинь понимал это лучше других. Он был свидетелем всего, что произошло. И хотя это было несправедливо по отношению к ученику, он не хотел, чтобы Фэн Юэ вспоминал. Фэн Юэ уже однажды умер из-за этого прошлого. Стоило огромных трудов восстановить его плоть и вернуть части души.

— Цзинцин, человек должен уметь довольствоваться малым, — тихо предостерег его Даоинь.

— Учитель, я понимаю, — почти шёпотом ответил Хань Цзинцин.

После обмена приветствиями ученики Неба Лазурного Облака в тёмно-синих одеждах повели гостей из Куньлуэ к задним покоям Сказочной страны Пурпурной Микрозии.

Центром Срединных Равнин была Небесная Столица, а сердцем столицы — Сказочная страна Пурпурной Микрозии. Здесь испокон веков правили монархи, и хотя теперь власть перешла к ордену Хань Цзинцина, никто и не помышлял о смене названия. В Сказочной стране Пурпурной Микрозии насчитывались тысячи дворцов, стоявших здесь десятки тысячелетий.

Зал Светлого Неба был величайшим из них — оплотом власти. Ежедневно Хань Цзинцин восседал там на высоком золотом троне, верша государственные дела. Покои позади зала делились на четыре храмовых комплекса, посвящённых священным зверям. Дворец Лазоревго Дракона служил личной резиденцией монарха, а Дворец Алой Птицы предназначался для Девушки Небесного Мандата. Там жила свита искусных дев, чьим единственным долгом было служение Небесной Деве до конца её дней.

Также здесь располагался знаменитый Терем Возвращающейся Волны, где хранились портреты всех предшествующих избранниц. Храмы Чёрной Черепахи и Белого Тигра служили внешними покоями: в первом жили ученики Лазурного Облака и важные сановники, второй же пустовал, ожидая почетных гостей.

Хань Цзинцин приглашающим жестом указал путь. Даоинь не стал церемониться и пошёл первым. Цзинцин шагнул с ним плечом к плечу, а за ними следовали четверо старейшин со своими учениками.

Монарх не любил лишнего пафоса. В Зале Светлого Неба, у подножия красной лестницы, ведущей к золотому трону, по обе стороны стояли ряды кресел. Говорили, что при прежних правителях чиновники обязаны были стоять на коленях, но Цзинцин ввёл новые порядки: сановники заседали сидя. Даоинь, глядя на ученика, которого взрастил сам, остался весьма доволен и лишь поглаживал редкую бородку.

Все заняли свои места, и лишь Фэн Юэ, шедший в самом конце, неловко замер посреди залы. Оказалось, что для него места нет — позади старейшины Даочжэня стоял только Чэн Ланьюэ.

Заметив это, Хань Цзинцин, уже стоявший у трона, замер. Он едва заметно улыбнулся. Он медленно спустился по девяти ступеням, устланным красным ковром. Слуга бросился было поддержать его под локоть, но монарх резким жестом оттолкнул его. Даоинь, прищурившись, улыбнулся и поудобнее устроился в кресле. Никто не проронил ни слова, не подсказал Фэн Юэ, где его место.

Тот стоял в замешательстве. Ему совсем не хотелось привлекать к себе столько внимания. Присутствующие во все глаза смотрели на своего правителя: они никогда не видели у него такой нежной, открытой улыбки. Обычно его лицо оставалось холодным и непроницаемым, а взгляд — глубоким и пугающим. Но сейчас он смотрел лишь на силуэт в белом.

— Фэн Юэ, — негромко позвал Хань Цзинцин.

Юноша вскинул голову. Растерянность на его лице мгновенно исчезла. Цзинцин протянул руку, и Фэн Юэ, будто подчиняясь старой привычке, вложил свою ладонь в его. Один за другим они поднялись по девяти ступеням.

Справа от золотого трона из пола медленно поднялось пустующее доселе серебристое резное кресло. Спустя двадцать лет оно наконец дождалось своего хозяина.

— Это место пустовало долгих двадцать лет, — негромко произнёс Хань Цзинцин. — И всё это время я ждал его владельца.

— Дождался? — спросил Фэн Юэ.

Хань Цзинцин кивнул, но тут же покачал головой, и сел на свой императорский трон.

***

Перед тем как лишиться чувств, Ло Си увидел знакомые красные сапоги, но так и не смог вспомнить, кому они принадлежат. В вязкой тьме до него доносились обрывки разговоров. Голоса казались смутно знакомыми.

— Нашли... Молодой глава дворца...

Это слово — «молодой глава» — будто перевернуло важную страницу в его памяти. Он резко открыл глаза и обнаружил, что стоит на коленях в родовом храме семьи Ло.

Отец всё ещё распекал его за то, что он подсыпал яд в лекарство старшему брату. Ло Си ненавидел этого ублюдка, притащенного отцом с улицы. Из-за этого приёмыша мать проводила дни в слезах. Виновник всех бед заслуживал того, чтобы вечно гнить в постели. Почему он до сих пор не сдох? Если бы не бабушка, запретившая вписывать этого ребёнка в родовую книгу, тот наверняка покусился бы на наследство.

— Паршивец! Вздумал ядами баловаться? Я тебя до смерти запорю! — Отец замахнулся плетью.

Ло Си лишь крепче стиснул зубы. Он не собирался просить пощады.

— Давай, бей! Ты только об этом и мечтаешь — прибить меня, чтобы сделать своим сынком этого выродка Хуа! — Ло Си с ненавистью уставился на ребёнка в красном, прятавшегося за спиной отца.

Мальчик был невероятно красив, с алой родинкой в форме цветка между бровей, но Ло Си видел в нём лишь бельмо на глазу. Отец был добр только к этому приبلудышу, а родного сына лишь наказывал.

— Хуа Шуин — твоя тень. В будущем ты возглавишь семью Ло, а Дворец Лошуй станет тенью Поместья Лошуй. Одно невысказано без другого.

В ту страшную ночь его и Хуа Шуина спрятали в подвале. Последними словами отца, обращёнными к Шуину, были: «Сбереги Ло-эра любой ценой. Такова твоя судьба».

Ло Си смотрел, как закрывается крышка люка, пока полоска света не превратилась в тонкую нить и не исчезла во тьме. Осталось лишь тяжёлое дыхание двух детей и бесконечное отчаяние. Сверху доносились крики, звуки борьбы и грохот. Спустя вечность всё стихло. Когда они попытались открыть люк, внутрь ворвался чёрный дым. Он обвинил их, пытаясь вытащить из защитного круга подвала. Внезапно руки Хуа Шуина вспыхнули алым светом, разрезая пути на Ло Си. Но самого Шуина чёрная тень рывком вытащила наружу.

«Ты — моя жизнь. Хуа Шуин живёт ради тебя, Ло-эр. Пока ты в порядке — я в порядке. Если тебя не станет — цветок завянет».

Лежа в постели, тот мальчик часто шептал эти странные слова. Ло Си тогда лишь морщился — этот парень казался ему слишком женственным, каким-то пугающим и неестественным. Тот ребёнок, которого отец когда-то принёс в дом... такой хрупкий, хотя был на три года старше самого Ло Си.

Ло Си внезапно распахнул глаза. Прошло три года, и он не ожидал, что они встретятся вновь. Тот по-прежнему предпочитал красные одежды.

Ло Си сел. Хуа Шуин примостился на краю кровати. Алое пятнышко киновари на его лбу стало больше, а цвет — ярче и насыщеннее, словно капля свежей крови.

— Хуа...

Слово застряло в горле. Шуин изменился. Раньше он просто казался манерным, но теперь, когда его тело окончательно сформировалось, изящные черты лица приобрели почти женственную мягкость. В его взгляде, затуманенном, точно пейзаж Цзяннани под дождём, было мало человеческого, зато сквозила необъяснимая, пугающая аура демонического очарования. Иссиня-чёрные волосы были небрежно заколоты нефритовой шпилькой, позволяя остальным прядям свободным водопадом рассыпаться по плечам.

— Ло-эр, давно не виделись, — он лениво откинулся на постели. Тонкие, мертвенно-бледные пальцы коснулись щеки Ло Си. — За эти годы ты стал ещё краше.

Томный, вкрадчивый голос заставил Ло Си вздрогнуть. Волоски на его теле встали дыбом. Семья Ло поколениями была родом честных торговцев — как в ней могло зародиться такое порождение тьмы?